Снег укрыл промёрзшую землю и продолжает падать белыми хлопьями. Хогвартс гудит в ожидании Рождества. Малышня с весёлыми криками перебрасывается снежками. Весь двор в отпечатках бесчисленных снежных ангелов. Вот и сейчас две девчушки разлеглись на снегу, упоённо елозя по нему руками и ногами.

Один снежок прилетает мне за шиворот, я оборачиваюсь, и мальчишки-первокурсники испуганными воробушками разлетаются в стороны.

Старшекурсницы возвращаются из Хогсмида, нагруженные покупками.

— Привет, Драко! — Луна смотрит на меня своими огромными глазищами из-под причудливой шапки. — Ты чувствуешь Дух Рождества? Это Рождество будет особенным!

Откуда Луна знает? Это Рождество действительно станет особенным, ведь сегодня я признаюсь тебе, что люблю.

*****

Малыши восторженно вопят. Бегут за великаном, несущим из Запретного Леса огромную ель. Я смотрю, как его мощные ручищи бережно сжимают дерево, и содрогаюсь, вспоминая, как на этих самых ручищах он принёс из Леса бездыханного тебя.

Я не думал, что в мире есть что-то больнее Круциатуса или Сектумсемпры. В тот миг я понял, что есть. Боль вонзилась в сердце, перекрыв доступ воздуху, и я бы сложился пополам и рухнул на колени, если бы рука матери не поддерживала меня.

— Гарри Поттер мёртв!

Сколько времени человек может продержаться без воздуха? Минуту? Полторы? Уплывающим сознанием я отметил, что ты поднимаешься с земли, но счёл это галлюцинацией моего умирающего без кислорода мозга. Однако, ты снова выжил, чёртов Поттер, и в тот момент я окончательно осознал, что люблю тебя.

Ты всегда был тем, кого искал мой взгляд, тем, ради кого я спешил в Большой Зал, на уроки, на квиддичные матчи, да и вообще в Хогвартс!

Как я скучал на каникулах, придумывал сотни планов, чтобы уколоть, раздразнить, победить тебя!

Как я ревновал тебя к твоим нелепым друзьям, как хотел быть рядом с тобой в твоих приключениях! Я чуть не лопнул от счастья, хоть и умирал от страха, когда на первом курсе нас вместе отправили ночью в Запретный Лес! Храбро шагая по полной опасностей тропе, ты разговаривал со мной, не видя в темноте моей счастливой улыбки. К несчастью, моя трусость и тут испортила всё!

Ты всегда был главным человеком для меня — несостоявшимся другом, несбыточным товарищем по играм, любимым соперником в Квиддиче, недосягаемым идеалом храбрости и благородства.

И если я был лишён возможности вызвать твою улыбку, то хотел вызывать хотя бы гнев, обиду, крик, слёзы — что угодно, что показало бы мне, что я существую для тебя!

Я хотел касаться тебя, но, если не мог по-приятельски закинуть руку тебе на плечо и шутливо пихнуть в бок, то старался хотя бы толкать и бить со всей силы, получая в ответ удары, как доказательство того, что ты видишь меня!

На четвёртом курсе вместе с мокрыми снами ко мне пришло осознание того, какие чувства я на самом деле испытываю к тебе. И это стало моим ночным раем и адом средь белого дня.

Во сне ты гладил мои волосы и шептал, какой я красивый, упоённо целовал моё лицо, шею, спускаясь всё ниже, от чего я взрывался, не успев насладиться чудесным видением. А наяву ты презрительно щурил глаза и выплёвывал: «Хорёк! Такой же отвратительный, как все вы в вонючей дыре под названием Слизерин!»

Во сне я прижимал тебя к себе крепко-крепко, боясь отпустить, и со стоном впивался в твои губы, ощущая всем телом, что и ты хочешь меня. А наяву прожигал убийственным взглядом, разбивал в кровь эти недоступные губы и с хрустом ломал твой нос.

И лишь раз наяву я прижался к тебе ещё крепче, чем в своих снах, и обнял так, что руки свело судорогой. Тогда ты забрал меня у смерти, позабыв всё, что разделяло нас в течение семи лет.

*****

Наш восьмой курс выдался мирным и спокойным. Я больше не в силах продолжать свою мучительную игру в ненависть. Но ты, к моему удивлению, не игнорируешь меня. Вероятно, чувствуешь ответственность за несчастного, сломленного врага, которого сам же и спас. Заговариваешь со мной в коридорах, вытаскивая из чёрного омута апатии. Зовёшь полетать на мётлах. Беззлобно подкалываешь и выжидательно смотришь, недоумевая, почему я не плююсь ядом в ответ. Угощаешь яблоками: «Малфой, держи! Ты что-то совсем есть перестал, смотри, как бы с метлы ветром не сдуло!» День за днём ты понемногу возвращаешь мне меня.

Всё это я расскажу тебе сегодня, и не представляю, что ты будешь делать с этим знанием? Посмотришь недоумённо, с презрением? Отшатнёшься в ужасе? Но нет, ты на это не способен, благородный гриффиндорец! Скорее всего, сочувственно похлопаешь по плечу и предложишь стать друзьями. И я, конечно, соглашусь, умирая от стыда, боли и невозможности своих потаённых желаний.

— Малфой! Ты чего здесь? Замёрз? Смотри, у тебя на волосах уже сосульки висят, и нос красный! — подходишь с решительным видом.

(Великолепно, Драко! Признаваясь в любви с красным носом, ты будешь ещё более жалок! Но ты принял решение, ты больше не будешь поступать, как трус!)

— Поттер, я…

— Т-ш-ш, не разговаривай на морозе, горло простудишь! — шепчешь и берёшь мои руки в свои.

— Мерлин, Драко, твои перчатки из рыбьего меха, что ли? Руки, как ледышки!

Ты-то и вовсе без перчаток, мой горячий Герой! Осторожно снимаешь с меня перчатки и подносишь мои руки ко рту. Греешь дыханием, пристально смотришь.

Я забываю дышать, забываю заготовленную речь, я забыл бы своё имя, если бы ты только что не произнёс его, наверное, впервые в жизни!

Когда мои ладони согреваются в твоих, сильных и горячих, ты притягиваешь меня к себе и … целуешь!

Ты снова первый, мой гриффиндорец, ты всегда на шаг впереди меня!

http://erolate.com/book/4401/158598